

ИВАН АКСАКОВ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г.
АНТОНОВИЧА
«СУЕМУДРИЕ „ДНЯ“»

Иван Аксаков

**По поводу статьи г. Антоновича
«Суемудрие „Дня“»**

«Public Domain»

1865

Аксаков И. С.

По поводу статьи г. Антоновича «Суемудрие „Дня“» /
И. С. Аксаков — «Public Domain», 1865

«Давно уже ничему мы так серьезно не радовались, как появлению в печати, в октябрьской книжке «Современника», статьи г. Антоновича, под названием: «Суемудрие „Дня“». Сама статья не представляет в себе ничего серьезного; напротив, она преисполнена неумышленного комизма, и мы смело рекомендуем ее всем нашим читателям: она доставит им много веселых минут. Мы охотно бы даже, для их забавы, перепечатали ее на столбцах нашего журнала, если б она не была так велика...»

Иван Сергеевич Аксаков

По поводу статьи г. Антоновича

«Суемудрие „Дня“»

Давно уже ничему мы так серьезно не радовались, как появлению в печати, в октябрьской книжке «Современника», статьи г. Антоновича, под названием: «Суемудрие „Дня“». Сама статья не представляет в себе ничего серьезного; напротив, она преисполнена неумышленного комизма, и мы смело рекомендуем ее всем нашим читателям: она доставит им много веселых минут. Мы охотно бы даже, для их забавы, перепечатали ее на столбцах нашего журнала, если б она не была так велика. Нет, серьезная сторона этой статьи заключается в самом факте появления ее в печати. Слава Богу, подумали мы, прочитав трактат г. Антоновича, наконец-то настало у нас в России время, когда можно безбоязненно быть искренним в выражении своего мнения, можно не лгать и не лицемерить; наконец-то выползет ложь из темных нор своих на свет Божий и объявится людям во всей правде своего безобразия. Г. Антонович не удивится, конечно, что мы с нашей точки зрения считаем его мнения ложью; тем же именем честит он и так называемую славянофильскую проповедь. Мы тому-то и радуемся, что наступает наконец пора, когда можно будет нам бороться с нашими противниками открыто, ясно, без намеков, двусмыслий, иносказаний, одинаковым, равным оружием мысли и слова, не опасаясь вмешательств полиции, называя вещи прямо по имени. Едва ли кто, при защите своих убеждений, терпел более от цензурной строгости, чем писатели славянофильского направления; никто более нас не испытывал той неловкости, того неудобства, в которое ставит истину непрошенная помощь грубой внешней силы, полицейское вторжение в область духа. Мы исповедуем, по свободному искреннему убеждению, такие начала, которые, по-видимому, тождественны с началами, признаваемыми официальною властью, покровительствуемыми государством, защищаемыми всею его тяжеловесною мощью и потому исповедуемыми целою массою людей – лицемерно, из корысти, из лести, из страха. Но, во-первых, признавая эти начала истинными в их отвлеченности, мы отвергаем в большей части случаев всякую солидарность с их проявлением в русской современной действительности, с их русскою практикою; во-вторых, самое наше понимание этих начал и выводы, из них нами делаемые, нередко совершенно отличны от официального их толкования и от тех выводов, которые извлекают из них официальные ведомства. Возьмем, например, православие.

Исповедуя открыто его святую истину, мы не могли однако же высказывать эту исповедь во всей полноте, и Хомяков, которого богословские сочинения составляют дорогое достояние православного мира, вынужден был писать их на иностранных языках и печатать за границей. Его брошюры были долго запрещены к привозу и к переводу на русский язык потому только, что в них раскрывалось истинное учение православной церкви об ее отношениях к государству; между тем в русской литературе, упоминая о православии без подробных пояснений, мы подавали повод нашим многочисленным врагам уверять публику, будто мы признаем правильную всю ту аномалию, которая существует до сих пор в этих отношениях. Все злоупотребления церковного управления, не только получившего, со времен Петра, вполне государственную организацию, но и принявшего, так сказать, внутрь себя элемент государственный, были врагами церкви и православия умышленно приписываемы самой церкви и смешиваемы с самим православием, – отчего не мало отторглось от него, конечно тайно, а не официально, душ горячих и чистых, которым эти злоупотребления были ненавистны и которые были лишены возможности приобрести истинное понятие о православном учении. Выработать же для общества эти истинные понятия среди путаницы проти-

воречащих идей и явлений, которыми так богата наша общественная жизнь, выяснить идеал церкви во всей его чистоте не было никакой возможности при существовавших цензурных правилах и приходилось, волей-неволей, в деле святой веры, в деле Божьей правды прибегать к косвенным намекам и обвинякам: а это, в свою очередь, подавало повод к недоразумениям и со стороны противников, и со стороны официальных защитников церкви. Таким образом, эта официальная поддержка веры со стороны государства имела конечным своим результатом только оскудение искреннего русского слова в защиту веры, только затемнение в сознании русского общества понятий о православии как учении и как церкви, то есть как в живом организме, и отпадение от православия значительной части молодых душ и молодых сил.

Мы указали на одну сторону вреда, происходящего для самой христианской истины от полицейского ее ограждения в области мысли и слова, от полицейского досмотра совести общественной и частной. Другая сторона вреда заключалась в том, что противники этих истин и проповедники лжи постоянно ускользали от всякой полемики, прикрываясь невозможностью защищаться, прикидываясь лежачими. Не имея сил опровергнуть аргументацию статей славянофильского направления, антагонисты наши прибегали всегда к следующей уловке: «Вам удобно проповедовать ваше учение, вы за него не подвергнетесь ответственности, – говорили они, зная очень хорошо, в какой мере это справедливо и как стеснены были мы сами в выражении своих мыслей: оно не идет вразрез с казенным мирозерцанием, оплачиваемым государственною казною и поддерживаемым государственною нежною дланью; мы бы могли разбить в пух ваши доводы, но мы вынуждены молчать под страхом полицейских и уголовных казней, – и потому вы нападаете на беззащитных». В сущности эти слова были не более как уловкой для избежания спора, были чистой неправдой: ложь, пользуясь явным отвращением честных своих противников нападать на безоружного, имела несравненно больше возможности, чем сама истина, проникать в общественное сознание и захватывать себе место в умах молодежи: полуслова, полунамеки, условный смысл выражений, все эти приемы только еще более дразнили любопытство, раздражали вкус, уснащали самую грубую пресную ложь какою-то заманчивою пряностью и доставляли ей торжество над истинною, естественно гнушавшеюся и этих нечистых приемов, и этих кривых, окольных путей. Поэтому едва ли кто, для блага самой истины, ревностнее, пламеннее славянофилов желал, призывал, отстаивал свободу мысли и слова. Так как г. Антонович выдает, в своем «Суемудрии», Хомякова за отъявленного врага этой свободы, то мы позволяем себе напомнить ему статью этого писателя, которую «День» открыл свое поприще с лишком 4 года тому назад, – статью, в которой Хомяков требует для науки полнейшей «свободы мнения и сомнения». «Без этой свободы, – говорит он, – наука лишается всякого уважения и достоинства: ей нужна откровенная смелость, которая лучше всего предотвращает тайную дерзость».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.